

Гигинейшвили Мария Теймуразовна

Gigineyshvili Maria Teymurazovna

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета правосудия

PhD in Law, Associate Professor,
International Law Department,
North Caucasus branch of
Russian State University of Justice

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

LEGAL PERSONALITY OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о возможности признания транснациональных корпораций (ТНК) субъектами международного и международного частного права. Классическая доктрина международного права не относит ТНК к числу субъектов ввиду их неучастия в нормотворческом процессе. Однако в последнее время появилась диаметрально противоположная точка зрения. Ознакомившись с теоретическим материалом, а также содержанием некоторых международных договоров, таких как Конвенция о создании Международного центра урегулирования инвестиционных споров и Конвенция ООН по морскому праву, автор делает выводы о наличии у ТНК функциональной правосубъектности на международном уровне. В остальных случаях ТНК стоит рассматривать в качестве актора. В международном частном праве, напротив, правосубъектность ТНК сводится к правосубъектности образующих ее юридических лиц.

Ключевые слова:

транснациональные корпорации, субъект международного права, актор, правосубъектность, международное право, международное частное право.

Summary:

The research discusses whether transnational corporations (TNCs) can be recognized as subjects of international and private international law. The traditional theory excludes TNCs from the list of subjects of international law due to its inability to create rules of international law. However, the scientists are of opposing views on this issue in recent times. Having studied the doctrine and treaty rules, for example ICSID Convention and UNCLOS, the author concludes that transnational corporations possess functional legal personality on the international level while in private international law its personality is composed of separate personality of each company which is a part of a transnational corporation. In all other cases, TNCs are supposed to be an actor of international law.

Keywords:

transnational corporations, subject of international law, actor, legal personality, international law, private international law.

Проблема международной правосубъектности транснациональных корпораций (ТНК) стоит на повестке дня в ООН не первое десятилетие. Активные дискуссии разгораются и среди теоретиков. ТНК разрабатывают правила сотрудничества и функционирования на международных и региональных уровнях. Они лоббируют свои интересы и оказывают влияние не только на экономику, но и на политику, экологию, права человека и т. п. В связи с этим давно назрел вопрос определения правового положения ТНК.

Представляется логичным изучить статус ТНК как в международном, так и в международном частном праве.

Категория «субъект» в международном праве не является однозначной. Каждый автор предлагает свое определение. Хотя общепризнанным является факт, что государства больше не являются эксклюзивными субъектами современного международного права, в доктрине нет согласованного определения международной правосубъектности. Предлагаем выделить три основных концепции международной правосубъектности. Первая концепция (state analogy concept) является крайне ограничительной: субъектом международного права может являться только тот, кто обладает строго определенными атрибутами. Согласно этой позиции, субъект международного права должен соответствовать трем кумулятивным условиям: иметь способность заключать международные соглашения, устанавливать дипломатические связи и приносить международные претензии [1]. Я. Броунли и М. Диксон вводят еще один критерий: способность пользоваться иммунитетом и привилегиями в национальных юрисдикциях [2]. Хотя вышеперечисленные критерии могут быть перенесены на международные организации, столь ограничительный подход к определению субъекта международного права вступает в противоречие с наблюдающейся эволюцией современного международного права, для которого характерно разнообразие акторов и субъектов [3, p. 108].

Вторая предложенная в доктрине концепция устанавливает лишь один критерий: способность иметь права и нести обязанности по международному праву [4]. Как отмечает Х. Лаутерпахт, способности заключать международные договоры и предъявлять международные претензии не имеют определяющего значения [5, p. 147].

Между данными двумя концепциями, на наш взгляд, компромиссной является позиция Международного суда ООН, представленная в деле «О возмещении вреда». Согласно ей, субъект международного права должен соответствовать двум критериям: способности обладать международными правами и обязанностями и защищать свои права путем предъявления международных требований [6, р. 174].

Несмотря на недостатки определения, Международный суд ООН прояснил один важный аспект международной правосубъектности, подчеркнув, что круг субъектов международного права может существенно варьироваться. Субъекты права в любой правовой системе необязательно идентичны по своей природе или в пределах их прав, и их характер зависит от потребностей сообщества. На протяжении всей своей истории развитие международного права было под влиянием требований международной жизни. Постепенно растущая коллективная деятельность государств уже породила на международном уровне функционирование субъектов, не являющихся государствами [7].

Таким образом, концепция международной правосубъектности не является статичной и единообразной. Традиционно в международном праве выделяют следующие субъекты: государства, государственно-подобные образования, международные организации и народы и нации, борющиеся за самоопределение [8, с. 69].

Вопрос о признании ТНК субъектами международного права вызывает многолетние дебаты. Эти обсуждения впервые возникли в 1960-х гг. в контексте национализации и постоянного суверенитета над ресурсами новых независимых государств. С 1990-х гг. вопрос о международной правосубъектности ТНК вновь встал на повестке дня в контексте привлечения их к ответственности за нарушение прав человека. Если обобщить позиции авторов, то их можно разделить на два антагонистических лагеря. Значительная часть ученых, в том числе Я. Броунли [9, р. 65] и А. Кассезе [10, р. 103], считают, что ТНК не являются субъектами международного права. М. Шоу занимает менее категоричную позицию, утверждая, что на данном этапе развития международного права они не достигли необходимого уровня, чтобы считаться субъектами, тем не менее вопрос остается открытым [11, р. 225]. Это утверждение, как правило, основано на двух аргументах. Во-первых, с политической и, возможно, системной точки зрения признание ТНК как субъекта международного права существенно снизит власть государств и, следовательно, уалит их традиционно доминирующую позицию в международном праве. Во-вторых, если следовать первой концепции международной правосубъектности, то ТНК не могут участвовать в процессе создания норм международного права. Данная позиция идет в разрез с утверждением Международного суда ООН об эволюции субъектов международного права. Как заявляет В. Шатай, хотя участие в международном нормотворческом процессе можно рассматривать как свойство субъекта международного права, оно не является предрешающим [12].

В противовес традиционным взглядам в науке международного права зародилось течение, представители которого во главе с П.-М. Дюпюи считают, что ТНК приобрели ограниченную правосубъектность [13]. Они справедливо замечают, что при особых обстоятельствах международное право возлагает на ТНК способность иметь права, нести обязанности и предъявлять международные претензии. Такая правосубъектность является функциональной, предписывается корпорациям в лимитированном объеме и для конкретной цели. Как утверждает И.Н. Глебов, «правоспособность ТНК ограничена и определяется международными договорами, заключенными с участием государств, и в конечном счете является производной» [14].

Вопрос о правосубъектности должен решаться индивидуально в каждом отдельном случае. При таком подходе ограниченная и производная правосубъектность может быть предоставлена тремя различными источниками: международными контрактами, договорами и обычным правом. Международные (интернационализованные) контракты заключаются между принимающей страной и корпорацией. В основном это концессионные соглашения и соглашения о развитии нефтяной и горной промышленности. В таких контрактах содержатся не только права и обязанности сторон, но также положение о применении норм международного права и оговорка о подсудности международным арбитражам.

В 1964 г. В. Фридман заявил, что частные корпорации, являющиеся сторонами таких договоров, должны рассматриваться как обладающие международной правосубъектностью [15, р. 122]. Это рассуждение было признано в решении арбитража по делу «Техасо Calasiatic против Ливийской Арабской Республики», где было установлено: поскольку контракт между государством и частным лицом подпадает под международный правопорядок, для целей толкования и выполнения контракта следует признать за частной стороной определенные международные правомочия. Но, в отличие от государства, частное лицо имеет лишь ограниченные права, вытекающие из такого контракта [16]. Данная позиция арбитража вызывает споры. Противники считают, что государство самостоятельно не может наделить своего частного контрагента статусом «субъекта» междуна-

родного права, которому могут противостоять другие полноценные субъекты. Мы считаем, что такие контракты не могут создавать *erga omnes* права и субъектов, однако являются важным правовым инструментом для регулирования деятельности ТНК на международном уровне.

Второй и наиболее распространенный способ наделения ТНК международной правосубъектностью заключается в принятии договора. На практике некоторые международные инвестиционные договоры уже присуждали транснациональным корпорациям способность иметь права и предъявлять международные претензии. В качестве примеров универсальных договоров можно привести Конвенцию 1965 г. о создании Международного центра урегулирования инвестиционных споров [17] и Договор к Энергетической хартии 1995 г. [18], на региональном уровне – Североамериканское соглашение о свободной торговле 1993 г. (НАФТА) [19].

Аналогичные положения можно найти в других отраслях международного права. Например, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС) предусматривает обязательный арбитражный механизм в случае возникновения споров, вытекающих из толкования или применения договора между заинтересованными сторонами, в том числе юридическими лицами [20]. ЮНКЛОС также предусматривает конкретные и прямые обязательства перед корпорациями. Например, пунктами 1 и 3 ст. 137 предусмотрено, что никакое юридическое лицо не должно использовать какую-либо часть дна океана за пределами национальной юрисдикции, а также требовать или осуществлять какие-либо права на находящиеся за указанными пределами ресурсы. Подобные формулировки в договорах навели ученых на мысль о наделении ТНК международной правосубъектностью.

Однако такие договоры, непосредственно предоставляющие правовые возможности корпорациям, являются исключительными. Гораздо чаще деятельность транснациональных корпораций регулируется опосредованно, через государства. Хотя теоретически в международном праве нет препятствий принимать договоры, непосредственно устанавливающие права и обязанности корпораций, большинство существующих конвенций требуют от государств принятия своих законов [21].

Таким образом, возникающие из международных договоров права и обязанности косвенно применяются к корпорациям. Примерами могут служить многочисленные договоры о борьбе с коррупцией (ст. 23 Конвенции ООН против коррупции [22], ст. 2 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [23]) и загрязнении окружающей среды (ст. I (3), III–VII Международной конвенции об ответственности за ущерб от загрязнения нефтью [24], ст. 2–4 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением [25]). Такие права и обязанности, хотя и вытекают из международного договора, могут быть предоставлены только национальным законодательством. Например, государства обязаны криминализовать коррупционную деятельность корпораций.

Третьим источником, доказывающим наличие международной правосубъектности у корпораций, является международный обычай. В соответствии с этим подходом, вышеупомянутые договоры об инвестициях и кодексы поведения, которые получили широкое распространение за последние сорок лет, являются частью более широкого процесса признания международной правосубъектности ТНК в обычном праве. Несмотря на диспозитивный характер таких кодексов, некоторые ученые утверждают, что они «содержат элементы, которые могут служить доказательством готовности государств признать за ТНК показатели, характерные для субъекта международного права [26]. Большинство кодексов непосредственно предписывают правила поведения, а в некоторых даже содержится механизм имплементации. В качестве примера можно привести Руководящие принципы, принятые Организацией экономического сотрудничества и развития, а также проект, подготовленный Международной организацией труда.

Принятые в 1976 г. и пересмотренные в 2011 г. Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий содержат права и обязанности в части защиты прав человека, интересов потребителя, окружающей среды, антикоррупционные и антимонопольные требования [27]. Хотя данный документ носит лишь рекомендательный характер, в нем содержится детальный алгоритм имплементации положений. Трехсторонняя Декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики, принятая МОТ в 1977 г. и пересмотренная в 2000 г., идет по тому же принципу [28]. Правда, в ней больше внимания уделяется правам человека, а механизм имплементации более сложный.

Несмотря на все разнообразие и обилие Кодексов поведения транснациональных корпораций, сложно с уверенностью сказать, что в международном праве сложился обычай, согласно которому ТНК являются субъектами права. Различные инициативы принять Кодекс для регулирования деятельности ТНК в рамках ООН не имели успеха, наоборот, они лишь продемонстрировали разрозненность взглядов государств, отсутствие единой точки зрения. Длительная работа над Кодексом с 1974 по 1992 г. зашла в тупик после непрекращающихся дебатов между развитыми и развивающимися государствами относительно того, как должны вести себя ТНК на

принимающей территории [29]. В таком случае невозможно вести речи о признании ТНК субъектом международного права. Другим примером провала переговоров может служить попытка принятия Проекта статей об ответственности транснациональных корпораций и других бизнес-предприятий за нарушения прав человека, который был подготовлен подкомиссией по правам человека. Комиссия сослалась на то, что прямого задания по разработке она не получила, а следовательно, подготовленный проект не имеет никакой юридической силы [30].

Хотя кодексы не получили признания и не способствовали формированию международного обычая, нельзя недооценивать роль мягкого права в этом деле. Декларации и резолюции, принимаемые государствами и международными организациями, вносят свой вклад в создание единого понимания проблемы правосубъектности транснациональных корпораций, их прав и обязанностей. В долгосрочной перспективе такие акты мягкого права могут трансформироваться в *opinio juris* и при достаточной практике государств приобрести силу международного обычая.

Принятые в 2011 г. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека демонстрируют потенциал актов мягкого права [31]. В отличие от предыдущих попыток кодификации, данные Руководящие принципы были приняты по достижении консенсуса между государствами. В дальнейшем их поддержали в рамках ОЭСР. Согласно 11-му принципу, предприятия должны соблюдать права человека. Как говорится в комментариях, «ответственность за соблюдение прав человека является всеобщей нормой ожидаемого поведения всех предприятий, где бы они ни осуществляли свою деятельность. Она не зависит от возможностей и/или готовности государств выполнять свои собственные правозащитные обязательства и не умаляет эти обязательства. Такая ответственность существует помимо обязанности соблюдать национальные законы и подзаконные акты, защищающие права человека» [32]. Данный акт мягкого права имеет все шансы стать шагом на пути к признанию международной правосубъектности ТНК.

Обобщая вышеперечисленные аргументы, можем сказать, что на сегодняшний день нет доказательств признания ТНК в качестве субъекта международного права. Говорить о формировании международного обычая в этой сфере еще рано, о чем свидетельствует недостаточная практика государств и *opinio juris*. Тем не менее стоит отметить, что некоторые международные договоры и контракты наделяют ТНК функциональной правосубъектностью.

Стоит оговориться, что ТНК – это организация, которая обычно состоит из материнской компании и филиалов. Таким образом, с точки зрения международного частного права правосубъектность транснациональной корпорации в основном сводится к правосубъектности входящих в ее структуру юридических лиц. Например, филиалы транснациональной корпорации зависят от материнской компании экономически, однако с юридической точки зрения они являются отдельными юридическими лицами, национальности которых определяются в соответствии с законодательством страны, в которой они зарегистрированы.

Интересна позиция Ж.-П. Робе, который отмечает, что, хотя в экономике или политике не встает вопрос о существовании таких предприятий, как IBM, Toyota и т. п., они не существуют как таковые в позитивном праве [33, с. 78]. Характерной особенностью ТНК является несоответствие между экономическим контентом и правовой формой: производственное единство оформлено юридической множественностью [34]. Транснациональные корпорации – общепризнанный субъект международной хозяйственной деятельности, при этом они не являются самостоятельной правовой моделью [35].

С позиции строгой логики отсутствие правосубъектности у ТНК представляется правильным. Однако трудно отрицать «международный» характер ТНК. Необходимо отметить, что некоторые ученые предложили не просто концепции, признающие ТНК субъектами международного права, а новые системы права как альтернативу международному праву. Самая известная теория была разработана Ф. Джессопом. По его мнению, международное право не в состоянии регулировать большой объем событий и деятельности, выходящих за пределы одного государства. Так зародилась концепция транснационального права, которое включает международное частное и публичное право, а также другие правила, которые не вписываются в стандартные категории [36]. Как следствие, субъектами транснационального права являются государства, международные организации, корпорации, физические лица и все, кто вступает в такие трансграничные отношения. В рамках данной теории транснациональные корпорации обладают правосубъектностью.

В таком ключе интересна и теория, предложенная В. Фридманом в его работе «Меняющаяся структура международного права». Автор утверждает, что международное право развивается на трех разных уровнях:

- 1) международное право сосуществования суверенных государств – классическая теория международного права, признающая государства основными субъектами, регулирующая дипломатические отношения и разрешение международных конфликтов между государствами;

2) международное право сотрудничества на универсальном уровне – совокупность норм права, регулирующих всеобщие интересы человека. Оно включает как международное право, так и национальное законодательство различных государств;

3) международное право сотрудничества групп на уровне регионов [37, с. 251].

Согласно этой теории, ТНК обладают правосубъектностью в рамках международного права сотрудничества на универсальном уровне.

Хотя вышеупомянутые теории пытаются решить проблему международной правосубъектности ТНК, следует назвать их недостатки. Во-первых, транснациональное право не является отдельной системой права, оно не создает никаких новых норм, это в основном конгломерат национального законодательства различных государств и международного права [38, с. 8].

Во-вторых, даже если теория транснационального права станет общепризнанной, это не решит проблему правосубъектности транснациональной корпорации, поскольку государства и международные организации вступают в отношения (например, заключают инвестиционные соглашения) с определенным юридическим лицом, входящим в состав ТНК, а не с ТНК как самостоятельной единицей.

Наконец, можно сделать вывод о «двойной» правосубъектности ТНК. В международном праве еще не сложился обычай признания ТНК в качестве субъекта международного публичного права по причине их неучастия в международном нормотворческом процессе. Однако имеющиеся акты мягкого права свидетельствуют о формировании *opinio juris*, признающего правосубъектность за ними. Полагаем, что ТНК – это акторы в международном праве, наделенные функциональной правосубъектностью. В международном частном праве, напротив, правосубъектность транснациональной корпорации сводится к правосубъектности каждого отдельно входящего в нее юридического лица.

Ссылки:

1. Dominicé C. La personnalité juridique dans le système du droit des gens // Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century. Essays in honour of Krzysztof Skubiszewski / ed. by J. Makarczyk. The Hague, 1996. P. 147–171.
2. Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford, 2003. P. 57 ; Dixon M. Textbook on International Law. Oxford, 2005. P. 103–104.
3. Chetail V. The Legal Personality of Multinational Corporations, State Responsibility and Due Diligence: The Way Forward // Unity and Diversity of International Law. Leiden, 2014. P. 105–130.
4. Combacau J., Sur S. Droit international public. Paris, 2001. P. 312 ; Salmon J. Dictionnaire de droit international public. Brussels, 2001. P. 820.
5. Lauterpacht H. The Subjects of International Law // International Law. Being the Collected Papers of Hersch Lauterpacht. Vol. 1: The General Works / ed. by E. Lauterpacht. Cambridge, 1970. 568 p.
6. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations. Advisory Opinion. ICJ Reports, 1949. P. 174. Para 179.
7. Международное право : учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2010. 784 с.
8. Там же. С. 69.
9. Brownlie J. Op. cit. P. 65.
10. Cassese A. International Law in a Divided World. Oxford, 1986. 448 p.
11. Shaw M. International Law. Cambridge (UK), 2003. 1434 p.
12. Chetail V. Op. cit.
13. Dupuy P.M. L'unité de l'ordre juridique international. Cours général de droit international public // Recueil des cours de l'Académie de droit international. The Hague, 2002. Vol. 297. P. 105–118.
14. Глебов И.Н. Международное право. М., 2006. 368 с.
15. Friedmann W. General Course in Public International Law // Recueil des cours de l'Académie de droit international. The Hague, 1969. Vol. 127. P. 41–246.
16. Texaco Calasiatic v. Libyan Arab Republic (Merits), 1978. [Электронный ресурс]. § 47. URL: https://www.translex.org/261700/_/texaco-overseas-petroleum-company-v-the-government-of-the-libyan-arab-republic-yca-1979-at-177-et-seq/ (дата обращения: 05.05.2018).
17. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. (г. Вашингтон) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. Договор к Энергетической хартии от 17 декабря 1994 г. (г. Лиссабон) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. North American Free Trade Agreement [Электронный ресурс] // NAFTA Secretariat. URL: <https://www.nafta-secretariat.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement> (дата обращения: 08.05.2018).
20. Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. (г. Монтего-Бэй) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. Vazquez C.M. Direct vs. Indirect Obligations of Corporations under International Law // Columbia Journal of Transnational Law. 2004–2005. Vol. 43. P. 927–959.
22. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (г. Мерида) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
23. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
24. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29 ноября 1969 г. (г. Брюссель) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
25. Базельская конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 г. (г. Базель) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

26. Del Ponte K.G. Formulating Customary International Law: An Examination of the WHO International Code of Marketing of Breastmilk Substitutes // *Boston College International and Comparative Law Review*. 1982. Vol. 5, iss. 2. P. 377–403.
27. OECD Guidelines for Multinational Enterprises [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.oecd.org/daf/inv/mne/48004323.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
28. Tripartite Declaration of Principles Concerning Multinational Enterprises and Social Policy [Электронный ресурс] // International Labour Organization. 5th ed. 2017. March. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---multi/documents/publication/wcms_094386.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
29. Chetail V. Op. cit.
30. Responsibilities of Transnational Corporations and Related Business Enterprises with Regard to Human Rights of 20 April 2004 [Электронный ресурс] : UN Doc. E/CN.4/DEC/2004/116. URL: http://ap.ohchr.org/documents/all-docs.aspx?doc_id=9780 (дата обращения: 12.05.2018).
31. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека [Электронный ресурс]. 2011. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf (дата обращения: 11.02.2017).
32. Kulubekova G. Legal Personality of Transnational Corporations in Globalizing World [Электронный ресурс]. URL: http://pad-uaresearch.cab.unipd.it/9599/1/Kulubekova__Galiya_tesi.pdf (дата обращения: 24.05.2018).
33. Попова А.В. Международное частное право. Краткий курс. СПб., 2009. 192 с.
34. Там же.
35. Шевцова О.И. Правовая природа транснациональных корпораций [Электронный ресурс] // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 4. URL: <http://evolutio.info/content/view/1451/215/> (дата обращения: 19.05.2018).
36. Jessup P.C. *Transnational Law*. New Haven, 1956. 113 p.
37. Friedmann W. *The Changing Structure of International Law*. N. Y., 1964. 410 p.
38. Берандзе М.Р. Концепция транснационального права в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 17 с.

References:

- Berandze, MR 2010, *The concept of transnational law in international law*, PhD thesis abstract, Moscow, 17 p., (in Russian).
- Brownlie, I 2003, *Principles of Public International Law*, Oxford, pp. 57, 65.
- Cassese, A 1986, *International Law in a Divided World*, Oxford, 448 p.
- Chetail, V 2014, 'The Legal Personality of Multinational Corporations, State Responsibility and Due Diligence: The Way Forward', *Unity and Diversity of International Law*, Leiden, pp. 105–130. https://doi.org/10.1163/9789004262393_006.
- Combacau, J & Sur, S 2001, *Droit international public*, Paris, p. 312.
- Del Ponte, KG 1982, 'Formulating Customary International Law: An Examination of the WHO International Code of Marketing of Breastmilk Substitutes', *Boston College International and Comparative Law Review*, Vol. 5, iss. 2, pp. 377–403.
- Dixon, M 2005, *Textbook on International Law*, Oxford, pp. 103–104.
- Dominicé, C & Makarczyk, J (ed.) 1996, 'La personnalité juridique dans le système du droit des gens', *Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century, Essays in honour of Krzysztof Skubiszewski*, The Hague, pp. 147–171.
- Dupuy, PM 2002, 'L'unité de l'ordre juridique international. Cours général de droit international public', *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, The Hague, Vol. 297, pp. 105–118.
- Friedmann, W 1964, *The Changing Structure of International Law*, New York, 410 p.
- Friedmann, W 1969, 'General Course in Public International Law', *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, The Hague, Vol. 127, pp. 41–246.
- Glebov, IN 2006, *International law*, Moscow, 368 p., (in Russian).
- Guiding Principles on Business and Human Rights* 2011, viewed 11 February 2017, <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf>, (in Russian).
- Ignatenko, GV & Tiunov, OI (eds.) 2010, *International law*, textbook, Moscow, 784 p., (in Russian).
- Jessup, PC 1956, *Transnational Law*, New Haven, 113 p.
- Kulubekova, G 2018, *Legal Personality of Transnational Corporations in Globalizing World*, viewed 24 May 2018, <http://pad-uaresearch.cab.unipd.it/9599/1/Kulubekova__Galiya_tesi.pdf>.
- Lauterpacht, H & Lauterpacht, E (ed.) 1970, 'The Subjects of International Law', *International Law. Being the Collected Papers of Hersch Lauterpacht*, Vol. 1: The General Works, Cambridge, 568 p.
- 'North American Free Trade Agreement' 2018, *NAFTA Secretariat*, viewed 08 May 2018, <<https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement>>.
- OECD Guidelines for Multinational Enterprises 2011, viewed 26 May 2018, <<http://www.oecd.org/daf/inv/mne/48004323.pdf>>.
- Popova, AV 2009, *Private International Law. Short course*, St. Petersburg, 192 p., (in Russian).
- Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations. Advisory Opinion. ICJ Reports* 1949, p. 174. Para 179.
- Responsibilities of Transnational Corporations and Related Business Enterprises with Regard to Human Rights of 20 April 2004: UN Doc. E/CN.4/DEC/2004/116* 2018, viewed 12 May 2018, <http://ap.ohchr.org/documents/all-docs.aspx?doc_id=9780>.
- Salmon, J 2001, *Dictionnaire de droit international public*, Brussels, p. 820.
- Shaw, M 2003, *International Law*, Cambridge (UK), 1434 p.
- Shevtsova, OI 2008, 'The legal nature of transnational corporations', *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, No. 4, viewed 19 May 2018, <<http://evolutio.info/content/view/1451/215/>>, (in Russian).
- Texaco Calasitic v. Libyan Arab Republic (Merits)* 1978, § 47, viewed 05 May 2018, <https://www.translex.org/261700/_/texaco-overseas-petroleum-company-v-the-government-of-the-libyan-arab-republic-yca-1979-at-177-et-seq-/>.
- 'Tripartite Declaration of Principles Concerning Multinational Enterprises and Social Policy' 2017, *International Labour Organization*, 5th ed., March, viewed 12 May 2018, <http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---multi/documents/publication/wcms_094386.pdf>.
- Vazquez, CM 2004-2005, 'Direct vs. Indirect Obligations of Corporations under International Law', *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 43, pp. 927–959.